

ОСТАНОВИТЬСЯ,
ОГЛЯНУТЬСЯ

127

Софья
Радзиевская:

«Главное — первая фраза»

Владимир
Урецкий

ЖИЗНЬ известной детской писательницы Софьи Борисовны Радзиевской (1892–1989) была почти полвека связана с Казанью. Казанцы смотрели её популярную телепрограмму «В гостях у бабушки Сони», слушали рассказы по радио, встречались с ней на читательских конференциях, в библиотеках, школах, вузах, а кое-кто и тесно общался. Многие до сих пор вспоминают о ней с теплотой. Поражали её знания: уже то, что она владела в совершенстве многими европейскими языками, а ещё на шести читала и переводила, пользуясь словарём, открывало перед ней возможность получать при знакомстве с редкими рукописями такие знания, которые невозможно было почерпнуть из изданных официально источников. Как признавалась сама Радзиевская в своей автобиографии, она «недурственно» музицировала на фортепиано и довольно хорошо рисовала. Страсть Софьи Борисовны к энтомологии воплотилась, в том числе, и в учебнике по этой науке, которым в своё время пользовались десятки тысяч студентов.

Но Радзиевская отнюдь не выглядела некоей рафинированной дамой. Если требовалось, она весьма успешно овладевала и прикладными навыками, к примеру, верховой ездой. Именно так, верхом на лошади, она объездила горные районы Средней Азии, исследуя её экзотическую природу. В Маньчжурии Софья Борисовна попала в руки жестоких хунхузов (организованной банды, состоящей из этнических китайцев), но буквально выскользнула из их зверских лап благодаря своей феноменальной находчивости и умению моментально оценивать ситуацию и принимать молниеносные решения.

Она была страстной путешественницей, недаром география её книг обширна: от льдов и стылых морей Арктики до сопок Маньчжурии. А герои рассказов и повестей – смелые и мужественные люди, наделённые особенными душевными качествами: добротой, состраданием, участием, этим они и притягательны для читателя.

Софья Радзиевская оказалась в Казани в августе 1942 года (её родной город Санкт-Петербург, где она появилась на свет 12 июня 1892 года). В то время у 50-летней женщины за плечами была уже богатая биография, поездки в разные уголки страны, обширный литературный опыт. Что же вместили в себя эти годы? Внук писательницы, журналист и писатель Виктор Львович Радзиевский специально для этого материала предоставил эксклюзивную

аудиозапись 1982 года, которая нигде ранее не публиковалась. Это интервью журналиста Юрия Казакова, записанное на магнитную ленту в Казани, в доме по улице Татарстан, 7, в квартире Софьи Борисовны в канун её 90-летия. Вот как известный прозаик вспоминает о начале своей литературной деятельности: «Писать рассказы я начала в первом классе, очень этого стеснялась, никому не показывала, и, чтобы их не нашли, прятала под шифоньер. Там они и лежали. В 14 лет я стала читать рассказы моей сестре Кате, которой было тогда 12 лет, но она была более практичной. Однажды она спросила: «Почему ты всё только пишешь, а не печатаешь свои рассказы?» Я вытаращила глаза и говорю: «А как это сделать?» Она отвечает: «Очень просто! Вот ты идёшь по улице, видишь, на зданиях висят бронзовые доски, а на них написано: такая-то редакция, заходишь и показываешь свой рассказ». Я так и сделала. Нашла редакцию какой-то «черносотенной газетёнки», зашла и предложила напечатать мой рассказ. К этой газете (по-моему, она называлась «Луч») было воскресное приложение, для которого не хватало материала, и поэтому мой рассказ взяли и напечатали. А мне с большим трудом выдали 25 рублей: у меня ещё не было паспорта, поэтому бухгалтер отказывался платить. Не знаю, как решился этот вопрос, но я деньги получила и, конечно, не донесла их домой – потратила всей семье на подарки».

Владимир Урецкий родился (1966) в Казани. Окончил Казанский авиационный институт им. А. Туполева, член Союза журналистов РТ, общественный деятель. Автор многих публикаций о замечательных людях, связанных с Казанью; инициатор и участник проекта по установке памятной доски Владимиру Высоцкому на бронзовом пюпитре перед бывшим Молодёжным центром, где он выступал; соавтор книги «Владимир Высоцкий в Казани: хроника, воспоминания, свидетельства, фотографии». Консультант историко-литературного сборника «Казанский край – поэзии душа», участник телепрограмм на «ТНВ», ТК «ЭФИР», «Татарстан-24», организатор выступлений, спектаклей и концертов известных российских артистов, участник культурно-просветительских мероприятий, открытых уроков по литературе о пребывании в Казани Пушкина, Маяковского, Высоцкого и др.

Однако в большую литературу Радзиевская вошла гораздо позже. Впервые три её книги с рассказами для детей были изданы в 30-е годы прошлого века в Ташкенте, куда Софья Борисовна с мужем и двумя детьми поехала жить и работать: ей предложили заведовать отделом в Институте защиты растений. Так же, как в детстве, непосредственное участие в издании этих книг приняла сестра Катя.

Вновь звучит голос Радзиевской с магнитофонной ленты: «Вот как это случилось. Мои научные работы печатались, а рассказы я продолжала писать, но читала их только своим детям и их друзьям. Как только напишу новый рассказ, говорю детям, что сегодня вечером буду его читать. Ребята бежали на улицу и во всё горло кричали об этом, тот, кто слышал, мчался к нам домой. Было интересно, собиралось много детей, я читала рассказ, а потом мы его обсуждали. Как-то к нам в гости приехала моя сестра со своими детьми. Приняв участие в одном из таких чтений и узнав, где хранится папка с текстами, взяла её, не сказав мне об этом, и отнесла в издательство. Вдруг я получаю из издательства письмо, в котором написано, что мои рассказы очень понравились, они хотят познакомиться со мной и приглашают прийти к ним. Я очень удивилась письму, показала его сестре, которая ещё больше удивилась: сказала, что, наверное, это какая-то ошибка, но предложила сходить и обо всём узнать. Я пришла в издательство, меня встретила милая женщина, поздоровалась и говорит: “Софья Борисовна, хорошие у вас рассказы”. Я говорю: “Какие рассказы?” – “Которые вы нам принесли”. Женщина открыла шкаф и вынула папку, в которой лежали мои произведения. Я говорю: “Да, это мои рассказы, но не понимаю, как они оказались у вас?” Она закрыла шкаф и попросила, чтобы я завтра опять пришла кое-что уточнить. Я вернулась домой, и сестра мне всё рассказала. На следующий день мы вместе пошли в издательство, там её узнали. В итоге была напечатана моя первая книга “Рассказы о животных”».

Софья Радзиевская до Первой мировой

В Ташкентском университете Радзиевская читала лекции по энтомологии, издавала свои научные труды, с одним из которых случилась скандальная история. После выхода книги «Амбарные вредители Средней Азии» Софье Борисовне позвонили из Союза научных работников и сказали, что за это исследование можно получить кандидатскую

Радзиевская в студии ТВ «Татарстан»

степень. Но, по мнению самой Радзиевской, к учёной степени нужно было отнестись всё-таки серьёзнее, и она написала заявление примерно такого содержания: «Я чрезвычайно тронута этим предложением, но не могу принять степень, подобные работы у студентов я не принимаю даже как курсовые». По своей наивности Софья Борисовна решила, что после такого заявления получится скандал и научное сообщество начнёт строже относиться к кандидатским диссертациям и перестанет раздавать учёные степени налево и направо. Да, скандал разразился большой, где только Радзиевскую не прорабатывали! Наконец, видя её твёрдость, стали упрашивать: раз не нужна ей учёная степень, пусть хотя бы своё заявление заберёт. Но она и этого не сделала; естественно, не получила и кандидатскую степень.

Все, кто знал Радзиевскую, в один голос говорили, что Софья Борисовна была удивительно сильным, смелым человеком, равнодушным к лестям, деньгам, славе. Была способна на поступки, за которые в те времена очень даже можно было отправиться в места не столь отдалённые. Например, в годы

гражданской войны её возмутил дичайший случай, когда красноармейцы в насмешку и в издёвку венчали несчастного попа с лошастью. Об этом Радзиевская написала в газету. Тогда большевики занесли девушку в чёрный список как опасного преступника, ей грозил арест, пришлось Софье Борисовне со своим будущим мужем Афанасием пуститься в бега.

Другой поступок относится ко времени работы в Ташкенте. Работника службы «Заготзерно» заподозрили во вредительстве: в хлебном амбаре обнаружили мучного клеща. Специально, дескать, развёл! Радзиевская решила заступиться за человека, поехала в Москву искать правды у Сталина. К отцу народов её, конечно, не пустили, но провели напрямик к НКВДшнику, который попросил доказать невиновность арестованного. Энтомолог, не моргнув глазом, заявила: «Каждый день на ваших глазах буду съедать полную миску мучных клещей. Они безвредны». Оперуполномоченному такой аргумент показался весьма весомым: и женщину отпустили с миром, и работника «Заготзерна» освободили от ареста.

Если Радзиевской и приходилось иной раз наступать на горло собственной песне, то и здесь она не теряла самообладания. Как-то ей случилось пообщаться с Академиком АН СССР Трофимом Лысенко, известным благодаря разгрому генетики и гибели выдающегося учёного Николая Вавилова. Об этой встрече Софья Борисовна рассказала так: «Переехав в 1935 году из Ташкента в Москву, я хотела издать написанную мной книгу о зерновых вредителях – клопах-черепашках. Пошла в «Сельхозгиз», в этом издательстве уже печатали мои работы. Там мне сказали: «Ваша книга очень нужная, но почему вы нас не предупредили раньше?». Оказалось, у них нет бумаги. Я спросила: «Что же делать?». Мне ответили: «Идите к Лысенко, у него всё есть».

В то время его все боялись, никто не спорил с ним, зная, что его поддерживает сам Сталин. Научный секретарь Трофима Денисовича был моим знакомым, и я решила пойти к нему. Он очень обрадовался, посмотрел мою рукопись и говорит: «Софья Борисовна, а что же вы не написали о том, как предлагает бороться с этими насекомыми Лысенко?» Я сказала ему: «Послушайте, не вам мне это говорить, а мне слушать. Мы же с вами энтомологи, вы разве не понимаете, что это чушь?» Лысенко предложил женщинам выращивать зимой пшеницу, чтобы на ней разводить клопов-черепашек и насекомых, которые этих клопов будут убивать. «Я-то понимаю, но Трофим Денисович не поймёт, и вашу книгу не напечатают. Он про вас слышал, летом в Сибирь собирается экспедиция, и он хотел вас пригласить, а без этого дополнения даже не ходите к нему». Мне до сих пор совестно, ведь я дописала в свою книгу, что Трофим Денисович предлагает такой метод борьбы... Через несколько дней я встретилась с Лысенко, мы пожали друг другу руки, и он сказал: «Приходите через три дня, я почитаю ваш материал, и мы всё решим». А секретарь говорит: «Что обрадовались? Вот придёте через три дня, посмотрим». Прихожу в назна-

Радзиевская со своей любимицей, начало 70-х

ченное время, секретарь ведёт меня в кабинет Лысенко, заходим, а он нервно перекладывает мою рукопись и говорит: «Да, да, хорошая вещь, нужная, но мало описаны меры борьбы, которые рекомендуются у нас в СССР». Секретарь встал за высокой спинкой кресла, на котором сидел Лысенко, и показывает мне кулак. Кстати, это кресло когда-то принадлежало Ивану Грозному, ведь раньше в этом здании был его охотничий домик. Я говорю: «Трофим Денисович, это ведь монография, а не меры борьбы. Вы дадите бумагу на издание книги?» Он ответил: «Сожалею, не имею возможности». И мы расстались без рукописи, в экспедицию меня не пригласили».

Когда наступила пора военного лихолетья, сын Радзиевской ушёл добровольцем на фронт, а Софья Борисовна с дочерью и престарелой тётёй жили под Москвой, им выдавали карточки на еду, но дневного пайка не хватало. У других женщин были сундуки с отрезами тка-

Радзиевская с дочерью Любой, конец 50-х

ни и другими вещами, которые можно было обменять на продукты, а у Софьи Борисовны – только книги да дорогой фарфор. До войны всё это можно было выгодно продать, к ней даже приезжали из музея фарфора с предложением купить старинный японский сервиз, но она отказалась, а теперь и его пришлось обменять на хлеб.

Нужно было думать о переводе в другой город, где было бы возможно прокормить семью. Радзиевские выбрали Казань, где Софье Борисовне пришлось заниматься не научной работой, а трудиться в должности старшего инспектора по газации хлебных элеваторов и пищевых складских помещений, и порой с другими сотрудницами выполнять тяжёлую мужскую работу (ведь большинство мужчин были на фронте), спускаясь в ёмкости в противогазах и с вёдрами ядохимикатов.

Казанский период в жизни Софьи Борисовны, как уже отмечалось, начался в августе 1942 года, с дочерью и тётей она поселилась на улице Луковского, 18. Через два года Радзиевская с семьёй, в связи с переходом на другую работу, поменяла и место жительства: переехала в служебную коммуналку на улице Тимирязева, 10/2. Так пишет она о том

периоде жизни в Казани: «В 1944 году по ходатайству ОРСа завода п/я № 747 я перешла на завод инженером-химиком пищевой лаборатории, а в 1949 году в июле методистом РЛТ. В течение пяти лет пребывания на заводе по совместительству была переводчиком и консультантом по иностранной литературе, вела аннотирование наиболее важных статей, занималась составлением карточного каталога (предметного). Завод оставил за мной квартиру в Соцгороде на время моей жизни в Казани».

Подобной работой она занималась и в научной библиотеке имени Лобачевского, куда Софья Борисовна поступила на работу и с 1951 до 1958 года заведовала отделом редких книг и рукописей, работала методистом республиканского лекционного бюро Министерства культуры ТАССР. Итогом её многолетних трудов стало несколько выпусков «Описания рукописей научной библиотеки имени Лобачевского».

Всё же современникам она запомнилась больше как писательница. Полностью жизненный опыт, жар души и художественный талант Радзиевской раскрылись только после выхода на пенсию, когда одна за другой в Татарском книжном издательстве увидели свет её пове-

сти и рассказы: «Болотные робинзоны», «Тигрёнок Гульча», «Голубой храбрец», «За золотом», «Том-музыкант», «Пум» и другие. Именно здесь, в Казани, у писательницы случились знаковые, как принято говорить, программные произведения, составляющие основную часть её литературного наследия. Книги эти очень полюбились детворе. И не только, а как же иначе?! Писательский метод Радзиевской оказался предельно прост, вот как она его раскрывала: «Для меня главное – найти первую фразу. И сюжет вырастает сам собой, герои начинают жить, совершать поступки. Я не мешаю им и с любопытством слежу, что будет дальше». Общеизвестно: если самого творца захватывает то, что он пишет, это неизменно передаётся и читателю. Как сказал Вольтер: «Все жанры хороши, кроме скучного». И это определение можно всецело отнести к творчеству Софьи Борисовны.

А если учесть, что Радзиевская при создании художественных произведений, кроме творческой фантазии, подключала плоды своих широких научных изысканий, наблюдательность и фактографию, то в определённой степени её книги становятся иллюстрацией той исторической эпохи или того географического уголка, о которых она рассказывает в своих произведениях. Скажем, в семьдесят лет она отправилась в Архангельск, в край поморов. Там, в селениях на побережье Северного Ледовитого океана, разговаривая с рыбаками и охотниками, исследуя архивы городской библиотеки, она приступила к работе над повестью «Остров мужества», события которой разворачиваются в восемнадцатом веке.

Издание её прозы, выход на аудиторию радио и телевидения добавили Радзиевской популярности. Она постоянно выступала перед читателями – в школах, пионерских лагерях, и встретиться с «бабушкой Соней» приходили десятки и сотни мальчишек и девочек.

Союз писателей Татарстана высоко ценил её писательскую и общественную деятельность – выхлопотал для Софьи

Борисовны отдельную квартиру на Волгоградской, 13.

Главный редактор «Казанского альманаха», писатель Ахат Мушинский вспоминает: «Так получилось, что с Радзиевской мы оказались соседями по микрорайону панельных домов. Недалеко жил и писатель Диас Валеев. Он и познакомил меня с Софьей Борисовной в конце 70-х. Я всегда питал интерес к людям почтенного возраста, с судьбой, с образованием... А интересней аристократки, рождённой в XIX веке, окончившей Бестужевские высшие женские курсы в С.-Петербурге, популярной писательницы, мне, начинающему литератору, и представить себе было трудно. Ещё в детстве я зачитывался её книгами, особенно повестью «Болотные робинзоны», созвучной моему любимому «Робинзону Крузо». Уж не говорю о том, что Софья Борисовна была открытой, душевной собеседницей. Между нашими домами был детский садик, и она работала там сторожем, удобно ей было в тепле и уединении читать, писать, оценивать рукописи начинающих писателей. Я частенько заходил к ней, мы живо беседовали, обсуждали различные тексты, в том числе и мои. Софья Борисовна с интересом выслушивала впечатления и о своих книгах. Иногда я помогал ей в каких-то бытовых вопросах. В феврале 1982 года, ещё не будучи членом Союза писателей, я начал работать литконсультантом в СП Татарстана. Это был год 90-летия Софьи Борисовны, и мне довелось с удовольствием включиться в предъюбилейные хлопоты. Через год меня приняли в члены писательского сообщества страны, и она была моим рекомендателем».

Другой известный писатель Владимир Владимирович Корчагин тоже вспоминал о первой встрече с маститой коллегой: «Своё знакомство она начала с вопроса: “Так это вы написали “Тайну реки Злых Духов?” – “Да, я”. И не ожидая ничего хорошего, начал оправдываться, говоря, что это моя самая первая работа, что не заканчивал никаких литературных заведений... Но Софья Радзиевская сразу прервала меня и сказала: “Вы написа-

ли замечательную вещь! Я с большим удовольствием прочитала её»).

Доктор философских наук, профессор Эдвард Хакимов рассказал, что ещё студентом КГУ познакомился с Софьей Борисовной в книжном издательстве. Он попросил у Радзиевской рецензию на его книгу рассказов для детей. К просьбе она отнеслась весьма доброжелательно и согласилась помочь. Рукопись своих рассказов Хакимов принёс писательнице домой. Но впоследствии, к сожалению, что-то не понравилось главному редактору и уже подготовленный к печати сборник «зарубили». Однако часть рассказов из этой книги была опубликована в журнале «Костёр» и газете «Комсомолец Татарии».

Владея многими европейскими языками, Софья Борисовна изучила в Казани ещё и татарский – он ей понадобился в переводческой деятельности: очень тонко и доступно она перевела книги для детей Джавада Тарджеманова «Весёлый сабантуй», «Бабочка-ветряночка», Мирсая Амира «Плут-телёнок», произведения других татарских писателей.

Летом 1981 года Радзиевская переехала в новую квартиру на улице Татарстан, 7. В её соседях были композитор Рустем Яхин, знаменитый повар и собиратель кулинарных рецептов Юнус Ахметзянов, литературовед Флюн Мусин, писатель Лирон Хамидуллин. Вообще, в этом новом доме жили многие известные деятели литературы и искусства Татарстана. По Указу Президиума Верховного Совета СССР Софья Борисовна Радзиевская к 90-летию была награждена орденом Дружбы народов за заслуги в развитии советской литературы. Готовились к изданию её новые повести и рассказы. Однако, в середине 80-х годов доктора, лечившие дочь Софьи Борисовны от онкологического заболевания, настоятельно порекомендовали ей сменить климат: поселиться у моря, где целебен воздух, а вокруг

много фруктов. И опять переезд! Радзиевские поселились в Севастополе. Каково Софье Борисовне, перешагнувшей 90-летний возрастной рубеж, было привыкать к новой обстановке, новому климату? В мае 1986 года у писательницы впервые в жизни диагностируют воспаление лёгких, а вслед за этим следует обширный инфаркт... И клиническая смерть. Сильная натура, она сумела выкарабкаться из череды страшных недугов.

Душа рвалась в Казань. Это ощущается в письмах её к своему близкому другу, казанскому писателю Кияму Миннибаеву: «Очень я скучаю. Здесь всё чужое», «...очень жду хоть коротенького сообщения о родной моей Татарии», «Если в этом году врачи не пустят – к 95-летию обязательно приеду в Казань... 45 лет жизни в Татарии так просто не вычёркиваются», «У меня мысль – предложить Баширову по подстрочнику перевести его последнюю часть воспоминаний о гражданской войне», «...пришлите мне учебник татарского языка для русских – простой, для начальной школы. А то я начинаю забывать его, а всякая потеря обидна». До конца своих дней Софья Борисовна хранила в душе родную Казань, ставшую ей второй родиной...

Тридцать четыре года, как нет с нами замечательной детской писательницы, книги которой стоят на одной полке с Бианки, Маршаком, Чуковским, Барто... Радзиевская скончалась 16 июля 1989 года в московской больнице, куда её привезли, как она сама считала, «для профилактики».

В прошлом году исполнилось 130 лет со дня рождения Софьи Борисовны, но не было никаких официальных мероприятий посвящённых её жизни и творчеству. Хочется верить, что на одном из домов Казани, где проживала известная писательница, появится, наконец, мемориальная доска и одна из улиц нашего города будет названа её именем.

